

Кр. 9 (С 191)
В 11

В боях за советское Приморье

ПРИМИЗДАТ

ГРЭВС

9(С)22
Г918

АМЕРИКАНСКАЯ АВАНТЮРА В СИБИРИ (1918 — 1920)

ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО
А. Ф. СПЕРАНСКОГО и С. С. СОКОЛОВА
С ВСТУПИТЕЛЬНОЙ СТАТЬЕЙ И. И. МИНЦА

Красноярская краевая
БИБЛИОТЕКА
им. А. М. Горького

1230048 1403
7554

КРАСНОЯРСКАЯ КРАЕВАЯ
БИБЛИОТЕКА
ИМ. А. М. ГОРЬКОГО
1933

МОСКВА — 1932
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

AMERICA'S
SIBERIAN ADVENTURE
1918 — 1920

WILLIAM S. GRAVES
*Major General,
United States Army Retired*

NEW YORK
JONATHAN CAPE &
HARRISON SMITH

**Грэвс — Американская авантюра
в Сибири.**

Книга американского генерала Грэвса, бывшего командующего войсками САСШ, принимавшими участие в союзнической интервенции в Сибири, представляет исключительный интерес в том смысле, что вскрывает основные мотивы интервенции в Сибири, переплетение разноречивых интересов крупнейших империалистических государств, принимавших участие в интервенции. Особый интерес представляет выявление роли Японии, ее замыслов на Дальнем Востоке, связей японского военного командования с русской белогвардейщиной в Сибири и на Дальнем Востоке. В описании белогвардейщины, ее вождей — Колчака, Семенова, Калмыкова, их кровавых деяний автор претендует на известную объективность.

ОГЛАВЛЕНИЕ

И. Минц — Соединенные штаты Северной Америки в интервенции	V
Предисловие к американскому изданию	XII
Вступление	
Глава первая — Цель военной интервенции в Сибири	3
Глава вторая — Помощь чехам	26
Глава третья — Перед перемирием	41
Глава четвертая — После перемирия	71
Глава пятая — Мобилизация русских войск	105
Глава шестая — Железнодорожное соглашение	128
Глава седьмая — Колчак и признание	151
Глава восьмая — Япония, казаки и антиамериканизм	177
Глава девятая — Мятеж Гайды	195
Глава десятая — Разгром	221

939г

лило положение японцев, которые здесь после их выступлений в конце декабря за последнее время ступевались.

Что означала эта явная перемена отношения русского офицерства к японцам? Она означала, что офицеры японского штаба обещали русским офицерам все, что этим последним было угодно, и что русское офицерство было не только готово принять помощь, исходившую откуда бы то ни было, но и было благодарно за такую помощь. Если взглянуть на все это с точки зрения русских офицеров, то их вряд ли можно порицать за такую перемену курса. Они были приперты к стене и главной целью их было помочь созданию такого правительства в России, которое вернуло бы им их прежнее положение; такой оборот был бы совершенно немислим, если бы Советы остались у власти. Поэтому для этих лиц борьба с большевизмом являлась средством для достижения их главной цели. Несмотря на некоторое озлобление, сохранившееся в отношениях между японцами и старым русским офицерством в результате русско-японской войны, положение, в котором находились русские, было таково, что они были рады принять помощь Японии. Чем большею помощью оказывала Япония, тем большие похвалы расточались по ее адресу и по адресу японского народа. Без военной поддержки или без денежной помощи нельзя было добиться такого афиширования дружбы между этими обеими нациями.

Года три или четыре спустя после того, как я покинул Сибирь, американский военный атташе в Токио прислал мне текст речи, произнесенной в японском парламенте, в которой оратор заявлял, что сибирская авантюра стоила Японии около 900 млн. иен. Невольно возникает вопрос: почему Япония выбросила такую сумму на сибирскую интервенцию? Вряд ли можно предполагать, что она преследовала лишь цели альтруистического характера. У меня нет определенных сведений по вопросу об истинных намерениях Японии и я не думаю, чтобы мне когда-нибудь удалось получить их.

В качестве примера того, к каким методам для получения денег прибегало русское офицерство царской России, я укажу на следующее. Полк Корф, русский офицер для связи с американской главной квартирой, сказал полк. Эйхельбергеру, американскому офицеру, что ген. Иванов-Ринов и ген. Романовский имели полную возможность прекратить критику, направленную как против меня, так и против всех американцев и американской политики, и что если бы я мог добиться от Соединенных штатов ежемесячной уплаты русской армии 20 тыс. долларов, то пропаганда против американцев

была бы прекращена. Корф сказал также полк. Эйхельбергеру, что генерал-лейтенант Крестачинский в этот день будет находиться в своем вагоне на станции железной дороги до 6 час. вечера, и что в моих интересах будет с ним повидаться.

Изданный Колчаком приказ о мобилизации не соответствовал интересам огромной массы русского населения; вскоре стало очевидным, что для проведения мобилизации не остановятся перед силой, и Иванов-Ринов, не колеблясь, послал казаков по деревням, чтобы набрать мужчин призывного возраста; трудно описать степень террора, вызванного этим распоряжением.

В марте одна молодая женщина, занимавшая должность сельской учительницы, явилась в американскую главную квартиру и просила дать охрану для нее и ее братьев с тем, чтобы они втроем могли вернуться в свою деревню, Гордеевку, и похоронить там отца, убитого войсками Иванова-Ринова. Эта молодая женщина рассказала, что русские войска вошли в Гордеевку и искали мужскую молодежь, чтобы заставить ее вступить в ряды армии; поскольку однако вся молодежь разбежалась, войска эти забрали 10 чел. из населения деревни, уже перешагнувших за призывной возраст, мучили их и потом убили, причем следили за тем, чтобы трупы убитых не были похоронены близкими им людьми. Этот рассказ показался мне таким неестественно жестоким, что я тотчас же приказал одному из моих офицеров с небольшим отрядом солдат отправиться в Гордеевку и проверить рассказ этой женщины; я тут же сообщил ей о принятом мною решении.

Посланный мною для расследования этого случая офицер донес мне следующее:

«По прибытии моем в Гордеевку я был встречен около здания школы кучкой людей, численностью 70—80 чел., вооруженных большей частью принятыми в русской армии винтовками, среди которых было только несколько старых одностволок 45—70 калибра. Все полученные сведения были собраны мною в присутствии этих 70—80 вооруженных крестьян и 25—30 женщин. Часть сведений была получена мною от вдов убитых крестьян, многие из этих женщин по несколько раз падали в обморок в течение моего допроса, который был для них настоящей пыткой. Первая женщина, с которой я беседовал, рассказала мне, что ее муж шел к школе со своей винтовкой, собираясь сдать ее, как это было приказано, русским войскам. Он был схвачен на улице; его били по голове и по всему телу его же винтовкой, а затем потащи-

ли в один из домов, находившийся недалеко от здания школы, где его со связанными руками подвязали к балке и жестоко били по всему телу до тех пор пока даже стены комнаты не были залиты кровью; следы от веревок на ногах этого человека говорили о том, что его подвешивали даже за ноги. Несколько позднее он был поставлен в ряд с другими восемью схваченными людьми и застрелен около 2 час. дня. Их было 10, и все они были убиты, кроме одного, с которым должны были расправиться войска Иванова-Ринова. Следующая женщина, с которой я беседовал, была хозяйкой того дома, в котором избивали всех этих арестованных и за амбаром которой их расстреляли. Она заявила мне, что около 11 час. утра 9 марта 1919 г. группа офицеров Иванова-Ринова зашла к ней в дом и заставила ее отправиться с ее мужем в другой дом, а около 11 ч. 30 м. они привели ее мужа обратно и били его, сломали ему руку, вырвали ему ногти и выбили все передние зубы. Ее муж стал инвалидом и калекой.

В своих добавлениях по поводу этих рассказов посланный мною офицер отмечает:

«Я установил, что пол комнаты, в которой избивали этих людей, был покрыт кровью и брызги ее были видны даже на стенах. Проволока и обрывки веревки, которыми пользовались, для того чтобы вешать этих людей, все еще висели на потолке и также были покрыты кровью. Я установил, что некоторых из арестованных обливали кипятком и жгли раскаленными железными прутьями, которые накаливали докрасна в небольшой печке, находившейся в той же комнате.

Я осмотрел то место, где были убиты эти люди. Они были построены в ряд и расстреляны. Каждый из трупов имел не меньше трех ран, а некоторые — шесть ран и даже больше. Когда расстреливали, очевидно сначала стреляли в ноги, а затем уже в верхнюю часть туловища».

В донесениях этого молодого офицера, производившего расследование, приводится много других свидетельских показаний всего происшедшего, и все они точно совпадают со всем тем, что сказано выше.

Все это представлялось мне настолько ужасным и отвратительным происшествием, что я приказал этому офицеру сделать мне личный доклад. Этот офицер не был офицером действительной службы и вступил в ряды армии только во время войны. Я навсегда запомнил слова его, сказанные им, после того как я окончил допрос. Он сказал мне: «Генерал, я прошу вас, никогда не давайте мне больше такого поручения. Еще минута, — и я сбросил бы свой мундир и остался бы с

этими несчастными, чтобы сделать для них все, что только было в моих силах».

Из Спасского, находившегося по линии железной дороги между Владивостоком и Хабаровском и далеко отстоявшего от Гордеевки, офицер нашей разведки доносил следующее о группе русских офицеров, посланных в Спасское:

«Они, смеясь и хвастаясь, рассказывали о том, как производили последний рейд в поисках оружия и одежды. Чтобы произвести на население нужное впечатление серьезности возложенного на них поручения, они при въезде в деревню схватывали первого попавшегося им на глаза человека, давали ему 50 ударов кнутом, а затем прибавляли еще, если у них были основания думать, что тот сказал не все ему известное».

Если бы все вышеизложенное было каким-нибудь единичным случаем, то можно было бы думать, что мы имеем дело с болтовней молодых неискушенных офицеров; однако получившие мною донесения показывали, что именно такого рода действия совершались и в других местностях Дальнего Востока, и сведения об этих ужасающих жестокостях сообщались мне из различных многочисленных пунктов стоянки американских войск. Многие из получаемых мною донесений указывали на то, что в этих жестокостях над мирным населением были повинны японские солдаты или русские солдаты, бесчинствовавшие в присутствии и под защитой японских войск. Я не имел возможности проверить 2/10 этих сообщений, и если бы даже мы проделали эту проверку и установили, что эти сведения соответствуют действительности, все равно мы не имели бы возможности чем-либо помочь. Целью этих террористических актов было не только запугивание крестьянской массы; японцы и русские, сторонники монархической системы, хотели создать такое положение, которое заставило бы крестьян пытаться защищать самих себя и свое имущество, а это оправдало бы отправку большого количества союзнических войск в Сибирь для искоренения большевизма. У крестьян, после систематических и безжалостных розысков оружия, не было никаких средств для самозащиты; им оставалось только молиться, ждать освобождения от этих ужасов и надеяться на то, что мобилизуемые русские войска не будут питать симпатии к правительству Колчака, восстанут и спасут их от ужасного террора.

Силы сторонников Колчака, в том числе Семенова и Калмыкова, заявлявших о своей готовности поддерживать Колчака, были сосредоточены вдоль Уссури, по границе с Восточ-